

ILYA MAZUR

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Іуа Mazur

На линии огня

«Автор»

2026

Mazur I.

На линии огня / I. Mazur — «Автор», 2026

Рассказ о человеке, для которого героизм — не громкий поступок, а выбор остаться, когда можно уйти. О цене, которую платят те, кто прикрывает собой других. О том, как одна случайная встреча может изменить всё.

© Mazur I., 2026

© Автор, 2026

Июа Mazur

На линии огня

Вступление

«Приветствую вас. Я — Рассказчик.

Что делает человека героем в глазах других — и что остаётся, когда судьба вновь сталкивает его с выбором, о котором он не просил? Быть может, подвиг — это не вспышка, а тишина, в которой он совершается, когда никто не смотрит.

Сегодня я расскажу вам о человеке, который носит в себе запах гари, чьи руки помнят тяжесть чужой жизни. Он живёт между «до» и «после», между сном и явью, и однажды ему предстоит заглянуть в глаза тому, кого он никогда не знал — и узнать в нём себя. Но огонь не спрашивает имён. Он только ждёт.

Всё, что случается с такими, как он, всегда заканчивается одинаково — даже если конец — лишь начало.

Не верьте мне на слово. Слушайте.»

Глава первая

Утро в пожарном депо встречало не светом, а запахом: бетоном, машинным маслом и старой гарью, въевшейся в стены за десятилетия. В проёме двери, залитой бледным рассветом, стоял водитель расчёта — руки в боки, подбородок вздёрнут.

— Сань! Подъём! — голос его гулко разнёсся по казарме. — Ты до обеда спать собрался? Смена пришла. Давай, поднимайся.

Александр приподнялся на локте, прищурился. Сон не отпускал — тело было ватным, рту горчило. Он сел, потянулся, хрустнув плечами, и посмотрел на входную дверь, за которой стоял водитель.

— Иду, — ответил хрипло.

Он поднялся, подобрал с пола китель, встряхнул его — и пошёл вниз, к гаражу, перешагивая через две ступеньки. Лестница пахла сыростью.

Внизу уже кипела жизнь. Две смены — заступающая и уходящая — стояли у машин, проверяли обмундирование, негромко переговаривались. Кто-то хлопнул дверцей шкафа, кто-то звякнул баллоном, и этот металлический звук смешался с голосами и утренней прохладой, тянувшейся из распахнутых ворот.

Александр перекинулся парой слов с молодыми, кивнул старожилам. Рукопожатия были короткими, без лишней крепости — здесь не любили показного. Встретился взглядом с Его-ровым.

Петрович стоял у капота, сгорбившись, и протирал ветошью какие-то детали. Самый старый в расчёте, с лицом, изрезанным морщинами, словно глинистый берег после дождя, он редко улыбался и говорил мало. Зато его молчание весило больше иных речей.

— Ну как сутки? — спросил Егоров, не оборачиваясь.

— Да тихо, Петрович, — ответил Александр, подходя ближе. — Один вызов был. Травы загорелась. Дети баловались.

Петрович хмыкнул, криво усмехнулся, но не обернулся. Руки его на мгновение замерли — и снова заработали, мерно, как маятник.

— Ааа, дети, — протянул он и покачал головой. — Главное, чтоб никак... помнишь 2003-й? Сарай тогда загорелся. Четыре часа тушили.

Александр кивнул, хотя Петрович этого не видел.

— Да, помню.

Они помолчали. В этом молчании не было неловкости — только общая усталость и знание, выстраданное годами.

— Ну ладно, Петрович. Я домой.

— Давай, Сань. Отдыхай.

Больше ничего не сказали. И никто не пожелал друг другу удачи — такая здесь была традиция. Добрые слова на дежурстве не произносили. Жизнь, как знали здесь все, не любит, когда её загадывают наперёд. Она всегда подкидывает неожиданные сюрпризы, особенно тогда, когда кажется, что всё спокойно.

Александр вышел на улицу. Полуденный свет ударил в глаза — тёплый, но неласковый. Он сел в машину, хлопнул дверцей. В салоне пахло бензином и остывшим железом.

Водитель повернул к нему голову.

— Тебя домой или к твоей? — спросил он.

Александр посмотрел вперёд, на дорогу, на выгоревшую траву за забором.

— Домой, — ответил.

Машина тронулась. За окном поплыли серые заборы, редкие тополя, гаражи. Депо осталось позади, съёжилось в зеркале до крошечного прямоугольника.

Александр отвернулся и закрыл глаза.

Квартира встретила его запахом старого дерева и свежей краски. Ремонт, который он затеял ещё в прошлом месяце, почти закончился: стены в прихожей были выбелены, в коридоре пахло лаком, и даже половицы перестали скрипеть там, где когда-то провалилась пятка материнского кресла.

Он скинул ботинки у порога, поставил их ровно, носками к стене. Прошёл на кухню. Окно выходило во двор — тополя уже распустились, и зелень за стеклом казалась неестественно яркой после утренней серости депо. На плите стоял старый чайник, тот самый, с отбитой ручкой, который он помнил с детства. Он налил воду, включил газ. Синий огонь лизнул дно, и в тишине квартиры раздалось ровное шипение.

Достал из холодильника яйца, хлеб, масло. Разбил два яйца в сковороду, посолил, глядя, как белок схватывается по краям. Откусил хлеб, прожевал. На вкус — как всегда. Ничего особенного. Чайник засвистел — тонко, пронзительно. Он снял его с огня, заварил чёрный чай и оставил настояться.

В кармане завибрировал телефон. Вытер пальцы о джинсы, взял трубку.

— Привет, — голос жены в трубке звучал устало и отстранённо. — Ты дома?

— Да. Только зашёл.

— Я задержусь. Отчёт сдавать. Буду к девяти.

— Хорошо, — сказал он. — Жду.

Она уже не слышала — сбросила. Короткий гудок.

Он поставил телефон на стол, допил чай. На стене висела фотография матери — молодая, с косой, в белом платье. Та самая женщина, которая смотрела на него с фотографии все тридцать лет. Он задержал взгляд, потом вымыл чашку и поставил её в сушилку.

Потом прошёл в комнату, сел в кресло, которое когда-то было её. Оно всё ещё пахло духами. Старый кожаный диван, торшер с жёлтым абажуром, телевизор, который он включил просто, чтобы заполнить тишину. На экране мелькали лица, но он не смотрел — смотрел в окно, на верхушки тополей, качающихся под вечерним ветром.

В руке зажужжал телефон. Не жены — другой звонок. Начальник депо.

— Саня, слушай. Завтра утром к нам школьная экскурсия. Второй класс. Я на тебя рассчитываю. Встретишь, проведёшь, покажешь. Ну, сам понимаешь. Чтобы улыбка, чтобы рассказывал красиво.

Александр молчал. Смотрел на свои руки — на них остались шрамы от ожогов, тонкие царапины. Потом ответил:

— Понял. Сделаю.

В трубке — короткий гудок.

Он убрал телефон и снова уселся в кресле.

Глава вторая

Класс ворвался в бокс, как стая воробьёв — шумно, беспорядочно, с визгом и топотом сорока пар ног. Учительница, худощавая женщина в строгом костюме, пыталась перекрыть гомон, но её голос тонул в детском восторге.

— Заходим все вместе! Не расходимся! — кричала она, размахивая руками. — Дети, стойте здесь!

Они выстраивались, толкаясь, переглядываясь, тыкая пальцами в красную машину.

Александр стоял в проёме гаража, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на них. Утро лилось из распахнутых ворот — белое, холодное, с запахом бензина и сырого бетона. Он моргнул. Дети шумели.

Учительница наконец добилась тишины — относительной, сдавленной, с редкими прискающими смешками. Она поправила очки и взглянула на него.

— Дети, это дядя пожарный. Будьте внимательны, слушайте.

Она перевела взгляд на Александра.

— Я классный руководитель, — сказала она. — Привела ребят. Мы заранее договаривались.

Он кивнул.

— Зовите меня Александр.

Они стояли напротив него — двадцать пар глаз, разного цвета и размера, но одинаково широко раскрытых. Он окинул их взглядом.

— Итак, дети, — начал он. — Значит, все хотите стать пожарными?

— Дааа! — грянуло хором, и этот крик ударил в стены, отразившись эхом от железа и бетона.

Александр улыбнулся. Уголки губ дрогнули, в глазах мелькнула тёплая искра.

— Ну что ж. Тогда, будущие огнеборцы, позвольте показать вам, с чем вы будете иметь дело, когда станете пожарными.

Он сделал шаг в сторону и широким жестом указал на машину. Красный кузов блестел в утреннем свете, хромированные детали отражали лица детей.

— Это наша машина. На ней мы выезжаем на пожары.

— Круууто! — разнеслось над головами.

— Можете подойти, посмотреть.

Дети рванули вперёд, как по команде. Толпа сместилась к машине. Кто-то потрогал колесо, кто-то заглянул под днище. Саша шагнул следом, обогнал их и встал у борта.

— А вот тут, — он взялся за ручку отсека, — наш рукав. Ну, или чтобы было понятнее — шланг с водой.

Он открыл крышку, и дети заулыбались, увидев ровно свёрнутую серую ленту.

— С ним мы побеждаем огонь.

— А можно поддержать? — спросил мальчик из первого ряда. Лицо его было покрыто веснушками, нос вздёрнут.

Александр посмотрел на него.

— Конечно. Но он тяжёлый.

Мальчик шагнул вперёд, взялся за рукав обеими руками и попытался поднять. Ткань почти не сдвинулась, но он напрягся, присел и наконец приподнял её на несколько сантиметров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.